
pocket**book**

rocket**book**

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

Укрощение королевы

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory
THE TAMING OF THE QUEEN

Copyright © 2015 by Levon Publishing Ltd
Originally published by Touchstone,
a Division of Simon & Schuster, Inc.

Перевод с английского *Н. Кузовлевой*

Разработка серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция портрета Екатерины Парр (ок. 1545) работы неизвестного художника

Грегори, Филиппа.

Г79 Укрощение королевы / Филиппа Грегори ; [пер. с англ. Н. Кузовлевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 640 с.

ISBN 978-5-699-93977-0

Новый роман Филиппы Грегори «Укрощение королевы» расскажет о шестой, и последней, жене Генриха VIII.

1543 год. Екатерина Парр оказывается в затруднительной ситуации: король Англии только что сделал ей предложение. Он хочет, чтобы она стала для него «утешением в старости». Вот только Екатерина в сомнениях. Еще и года не прошло с тех пор, как она овдовела, и надеется, что слова монарха ошибка, шутка судьбы. Но Генрих даже не думает отступать и добивается своего.

Теперь Екатерине предстоит не только стать женой одного из самых жестоких людей, которых она знает, но и попытаться обойти конкурентов в опасной игре за престол. Ведь поражение в такой схватке всегда сурово, а финал один — смерть.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Кузовлева Н., перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93977-0

Королевская резиденция
Хэмптон-корт
Весна 1543 года

Он стоит предо мною, крепкий, словно мощный древний дуб, и даже его лицо, испещренное морщинами, излучает свет, словно луна сквозь его верхние ветки. Он наклоняется ко мне, и мне тут же кажется, что это дерево сейчас упадет прямо на меня. Я не двигаюсь с места, не веря в то, что этот человек собирается встать предо мною на колени, так же, как еще вчера стоял предо мною другой мужчина, покрывая мои руки поцелуями. Если эта глыба плоти опустится на колени, его придется поднимать с помощью веревок, как быка, провалившегося в яму. К тому же он вообще ни перед кем не преклоняет колена.

Мне кажется, что он не станет целовать меня в губы — во всяком случае не здесь, не в этой огромной комнате, наполненной музыкантами, через которую снует множество людей. Не может быть, чтобы он пошел на такое здесь, при дворе, живущем по своим вычурным и строгим правилам! Не станет это огромное, похожее на луну лицо приближаться к моему. Я не свожу устремленного вверх взгляда с лица человека, которым некогда так восхищались моя мать и ее друзья, считая его первым красавцем во всей Англии, королем, мечтой всех женщин, и усердно молюсь о том, чтобы не слышать тех слов,

которые он только что произнес. Я прошу небеса, чтобы только что сказанное оказалось ошибкой.

А он, нисколько не сомневаясь в себе, ожидает моего согласия.

И тогда я понимаю: с этого мгновения все будет именно так, до самого смертного дня. Он будет ждать моего согласия либо просто продолжит без него. Мне придется выйти замуж за этого мужчину, который навис надо мною, как глыба, выше которой нет никого. Он выше всех смертных, он богоподобен, и только ангелам дозволено не подчиняться ему; он — король Англии.

— Какая неожиданная честь, Ваше Величество, — бормочу я.

Недовольно поджатые губы сложились в улыбку. Между губ виднеются желтеющие зубы, и до меня доносится отвратительный запах его дыхания.

— Я не заслуживаю ее.

— Я покажу вам, как ее заслужить, — утешает он меня.

И его улыбка становится игривой, напоминая мне о том, что предо мною стоит самый известный сластолюбец, запертый в стареющем теле, и что мне предстоит стать его женой во всех смыслах этого слова. Он намерен разделить со мною ложе, в то время как я тоскую по другому мужчине.

— Могу ли я помолиться и обдумать это невероятно лестное предложение? — спрашиваю я, отчаянно пытаясь подобрать достаточно вежливые для этого случая слова. — Оно стало для меня такой неожиданностью, честное слово, Ваше Величество. Я так недавно овдовела...

Кустистые светлые брови сурово сдвинулись на царственном челе: он явно недоволен ответом.

— Вам необходимо время для размышлений? Разве вы не надеялись на такое разрешение вашего дела?

— Ваше Величество, каждая женщина мечтает о таком предложении! — быстро уверяю его я. — При дворе нет ни одной женщины, которая б не надеялась на то, чтобы вы обратили на нее свое внимание, и я — в их числе. Но я недостойна!

Похоже, я нашла правильное объяснение, и он успокоился.

— Мне не верится, что мои мечты все же сбылись, — продолжаю я. — Единственное, для чего мне необходимо время, так только чтобы осознать всю глубину нашедшей меня удачи и счастья! Это просто чудо, как в сказке!

Он кивает в ответ. Он обожает сказки, с тайнами, маскарадами и актерами, да и вообще всякого рода представления.

— Я вас спас, — объявляет он. — И вознесу вас из ничтожества к самым высоким вершинам мира.

Его голос, глубокий и уверенный, его тон, умощенный лучшими винами и самыми жирными кусками со стола этой жизни, манит и обволакивает. Но острый пытливый взгляд маленьких глаз говорит, что он меня испытывает.

Я заставляю себя посмотреть в его пронизательные глаза, почти не видные за пухлыми веками. Нет, ему не удастся вознести меня из ничтожества — я была рождена под фамилией Парр в замке Кендал, а мой недавно умерший муж был Невиллом, а эти две семьи хорошо известны и признаны в Северной Англии. Правда, едва ли он там бывал.

— Мне необходимо время, совсем немного, —

настаиваю я. — Чтобы проникнуться всей непо-стигаемой глубиной моего счастья.

Его пухлая рука чуть поднимается в жесте, говорящем, что у меня есть сколько угодно времени. Я склоняюсь в поклоне и, пятясь, отхожу от карточного столика, куда меня потребовали, чтобы сделать самое лестное предложение, на которое может рассчитывать женщина, за лучшим шансом, который может подарить жизнь. Поворачиваться спиной к королю запрещает закон, но некоторые придворные шутят, что в интересах любого из них всегда стоять к королю лицом. Шесть шагов в сторону длинной галереи, в которую прорывалось весеннее солнце сквозь высокие стрельчатые окна, пока его лучи не пали на мою скромно склоненную голову; затем я снова кланяюсь и лишь тогда опускаю глаза. Выпрямляясь и снова глядя на него, я вижу, что он по-прежнему смотрит на меня с торжествующей улыбкой и все, кто находится рядом с ним, не сводят с меня глаз. Я заставляю себя улыбнуться, делаю шаг к двери, ведущей в его приемные покои, и скрываюсь за ней. Стражники распахивают предо мною и закрывают двери, которые наконец скрывают меня от его взгляда. Я окунаюсь в гомон людей, освобожденных от чести королевского присутствия, снова кланяюсь на пороге, все это время осознавая, что великий король наблюдает за тем, как я ухожу от него, и прихожу в себя от стука алебард королевских стражников.

На мгновение я так и замираю перед резными деревянными дверями, не находя в себе силы обернуться и встретить любопытствующие взгляды придворных, собравшихся в этой комнате. Теперь, когда нас разделяют эти толстые двери, я понимаю,

что вся дрожу, от ладоней до колен, словно во время приступа сильнейшего жара, как зайчонок в поле, слышащий, как его окружают крики и бряцанье оружия приближающейся охотничьей партии.

* * *

Дворец засыпает далеко за полночь, и я бросаю на свой ночной наряд черного шелка темный плащ с капюшоном, и сама, подобная ночной тени, выскальзываю из женской половины своих комнат в сторону парадной лестницы. Меня никто не видит, но, даже если я и попадусь кому-то на глаза, меня скроет от их любопытства наброшенный на голову капюшон. В этом месте годами торговали любовью, поэтому никто не обратит внимания на женщину, забредшую не в свои комнаты после полуночи.

Возле дверей, ведущих в покои моего возлюбленного, нет охраны. Они не заперты, как он и обещал. Я берусь за ручку и проскальзываю внутрь. Он там, ждет меня в совершенно пустой комнате возле камина, освещенный только светом огня от поленьев и зажженных свечей. Он высок и строен, обладатель темных волос и темных глаз. Услышав мои шаги, он оборачивается, и его мрачное лицо оживает от страсти. Он хватает меня, прижимает мою голову к своей груди, крепко обнимая меня. Не произнеся ни слова, я только крепче прижимаюсь к нему, словно стараясь спрятаться в нем, нырнуть под его кожу. Пару мгновений мы так и стоим, прижавшись друг к другу и покачиваясь, словно никак не можем насытиться прикосновением друг к другу, запахом наших тел. Он подхватывает меня под ягодицы, я обвиваю его ногами. Я умираю от желания. Он пинком открывает дверь в свою спальню,

вносит меня туда, так же сапогом захлопывает ее и укладывает меня на кровать. Сбрасывает брюки и рубаху на пол, в то время как я распахиваю свой плащ и платье. Прижимает меня к себе и входит, в полной тишине, не произнеся ни единого слова, лишь испутив глубокий вдох, словно задержал дыхание на весь день до этого момента. И только тогда я выдыхаю над его обнаженным плечом:

— О, Томас, люби меня всю ночь. Я не хочу сегодня ни о чем думать.

Он приподнимается надо мной, чтобы увидеть мое бледное лицо и разметавшиеся по подушке бронзовые волосы.

— Господи, я без ума от тебя! — восклицает он, на его лице отражается напряжение, и в темных глазах полыхает огонь желания, когда он начинает двигаться во мне.

Я лишь крепче обвиваю его ногами, мое дыхание сбивается, и я острее, чем когда бы то ни было, осознаю, что нахожусь с единственным любовником, который мог доставить мне удовольствие, и в единственном месте, где чувствую себя в безопасности: в теплой постели Томаса Сеймура.

* * *

Перед самым рассветом он наливает мне вина из кувшина, стоявшего на прикроватном столике, и угощает меня сушеным черносливом и печеньем. Я принимаю бокал с вином и надкусываю печенье, стараясь поймать крошки в подставленную ладонь.

— Он предложил мне выйти за него замуж, — коротко говорю я.

Томас быстрым движением прикрывает глаза рукой, словно не может смотреть на меня, сидя-

щую на его кровати с рассыпавшимися по плечам волосами и прикрывшую грудь его простынями, с алеющими на шее следами от его поцелуев и припухшими губами.

— Господи, помилуй... Господи, спаси и сохрани нас!

— Я не поверила своим ушам.

— С кем он говорил? С твоим братом? С твоим дядюшкой?

— Нет, прямо со мною. Вчера.

— Ты кому-то еще об этом говорила?

— Еще нет, — я качаю головой. — Тебе я говорю об этом первому.

— Что ты будешь делать?

— А что я могу сделать? Я повинуюсь, — мрачно ответила я.

— Нет, ты не можешь этого сделать, — внезапно выпаливает Томас. Бросившись ко мне, он берет меня за руки, не обращая внимания на крошки на ладони. Он встает на колени возле постели и целует мои пальцы, как сделал это, когда впервые сказал о том, что любит меня, что станет моим любовником, моим мужем, и только смерть разлучит нас. Он говорил, что я была единственной женщиной, которую он так страстно желал за всю свою жизнь, — а в ней было много любовниц, шлюх и служанок, которых он уже даже не помнил. — Екатерина, слышишь, ты не можешь этого сделать! Я не вынесу этого! Я этого не позволю!

— Я не вижу способа этого избежать.

— Что ты ему ответила?

— Что мне нужно время, что я должна помолиться и подумать.

Он кладет мою руку на свой плоский живот. Под

пальцами я чувствую живое тепло его плоти, и завитки волос, и мышцы, перекатывающиеся под кожей.

— Так вот что ты делала этой ночью? Молилась?

— Нет, я поклонялась, — прошептала я.

Томас наклоняется и целует меня в макушку.

— Богохульница... А что, если сказать ему, что ты уже помолвлена? Что ты уже тайно повенчана с другим мужчиной?

— С тобой? — прямо спрашиваю его я.

И он принимает этот вызов, потому что он отважен. Томас всегда идет навстречу любому риску или опасности, как будто это всего лишь игра или он — единственный человек, способный защитить мир от смертельной опасности.

— Да, со мной, — отвечает он. — Разумеется, со мной. Разумеется, мы должны венчаться. Мы можем сказать, что уже женаты!

Мне очень хотелось услышать от него эти слова, но я не посмею воспользоваться ими.

— Я не могу ему не подчиниться... — Мой голос ломается от мысли, что мне придется оставить Томаса. Я чувствую, как по щекам текут жаркие слезы. Тогда я опускаю лицо и вытираю слезы простыней. — Боже всемилостивый, не оставь меня! Мне нельзя будет даже просто видиться с тобой!

Томас поражен этой мыслью. Он откидывается назад, сев на пятки, и кровать под ним тихо скрипит.

— Этого не может быть. Ты только что обрела свободу. Мы встречались с тобою не больше полдюжины раз, я только собирался просить твоей руки! Я медлил только из уважения к твоему вдовьему трауру!

— Я должна была обратить внимание на признаки. Он присылал мне красивые отрезки на платья, настаивал на том, чтобы я прервала траур и вернулась ко двору... Он всегда приходил ко мне в комнаты леди Марии и всегда за мной наблюдал.

— Я думал, он просто флиртовал. Не ты одна не придавала этому значения. Ведь кроме тебя есть Кэтрин Брэндон и Мэри Говард... я и подумать не мог, что он настроен серьезно.

— Он благоволит к моему брату куда больше, чем тот заслуживает. Видит Бог, Уильям был назначен смотрителем границы не за свои выдающиеся способности.

— Да он в отцы тебе годится!

Я горько улыбаюсь:

— Кто же из мужей откажется от молодой невесты? Знаешь, мне кажется, он положил на меня глаз еще до смерти моего мужа, упокой Всевышний его душу.

— Я так и знал! — Томас со всего размаху бьет по столбу, поддерживающему полог кровати. — Я так и знал! Я видел, с каким выражением он следил за тобою, когда ты проходила мимо. Я видел, как он отправлял тебе то такое угощение, то сякое, когда вы были за столом, и как облизывал ложку своим мерзким языком, если ты пробовала это блюдо... Мне невыносима мысль о том, что ты окажешься с ним в одной постели и он будет творить с тобой все, что захочет.

Я чувствую, как у меня перехватывает горло, и стараюсь сглотнуть, чтобы справиться со страхом.

— Я тоже об этом думаю. Мне страшно. Этот брак будет гораздо хуже, чем его ухаживания. Сейчас-то все похоже на дурную пьесу с неумелыми актерами

и мной в одной из ролей. Только я вот не знаю своей партии. Как же мне страшно... Господи, Томас, я и сказать тебе не могу, как мне страшно! Последняя королева, она... — и голос меня подводит. Я не могу назвать ее имени. Екатерина Говард погибла, обезглавленная за прелюбодеяние, всего лишь год назад.

— Не бойся этого, — утешает меня Томас. — Тебя тогда здесь не было, ты не знаешь, что за женщина была эта Екатерина Говард. Она сама себя погубила. Он никогда не причинил бы ей зла, если б она не вызвала его гнев сама. Она была настоящей шлюхой.

— А как ты думаешь, кем сочтет он меня, увидев вот в таком виде?

Между нами повисает натянутая тишина. Он смотрит на мои руки, которыми я обхватила колени. Я начинаю дрожать. Томас приобнимает меня за плечи и чувствует мою дрожь. Он выглядит потрясенным, словно мы только что услышали свои смертные приговоры.

— Он не должен тебя в этом заподозрить, — говорит Томас, кивая на камин и освещенную свечами комнату, вместе с кроватью и смятыми на ней простынями, источающими предательский аромат ночи страсти. — Если он когда-либо спросит у тебя об этом — отрицай все. Я тоже все буду отрицать, клянусь тебе. Он не должен услышать о нас ничего, даже отдаленной сплетни. Даю тебе слово, что от меня он о нас не узнает. Мы с тобой никогда не будем об этом говорить. Никому. Мы не дадим ему ни малейшего повода для подозрений, мы поклянемся все хранить в тайне.

— Даю слово. Я ничего не скажу, даже если меня будут пытать на дыбе.

— Дворян на дыбе не пытаются, — мягко улыбается Томас и обнимает меня с огромной нежностью. Затем укладывает меня на кровать, укутывая меховым покрывалом и ложится рядом со мною, опирая голову на руку так, чтобы видеть меня.

Кончики его пальцев скользят от мокрой от слез щеки, по шее, к груди, по животу и бедрам, словно он старался запомнить мое тело, со всеми подробностями, чтобы никогда его не забыть. Потом опускает лицо к моей шее и глубоко вдыхает запах моих волос.

— Это наше прощание? — спрашивает он, касаясь губами моей кожи. — Ты ведь уже все решила, маленькая упрямая северянка... Ты уже все для себя решила, сама. И пришла только для того, чтобы попрощаться...

Конечно, это было прощание.

— Кажется, я умру, если ты меня бросишь, — предупреждает меня он.

— Ну, мы оба умрем, причем наверняка, если я этого не сделаю, — сухо отвечаю я.

— Да уж, как всегда, не в бровь, а в глаз.

— Я не хочу лгать тебе, особенно сегодня. Мне придется провести всю свою оставшуюся жизнь во лжи.

Томас внимательно рассматривает мое лицо.

— Ты очень красива, когда плачешь, — замечает он. — Особенно когда плачешь.

Я кладу руки ему на грудь и ощущаю под пальцами тугие мышцы и шелковистые темные волосы. На плече у него остался шрам от давнего ранения